

Философский детектив

АЛЕКСАНДРА
РЕНДАКОВА

Intravert'ka

Александра Рендакова

IntraVert'ka

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17860429
IntraVert'ka. Способны ли мы любить? Альтруизм vs Эгоизм.
Философский детектив: Прондо; Москва; 2013
ISBN 978-5-905463-37-2*

Аннотация

В книге рассказывается о недавней студентке философского факультета, которая не может найти себя в современном мире, как в плане трудоустройства, так и в сфере нравственных ориентиров современного общества. В итоге она устраивается на работу, для выполнения которой не требуется даже базового образования, и начинает формировать свою собственную систему моральных ценностей, в каком-то плане свою философскую концепцию. Данная книга, задуманная как первая из серии под названием "Философский детектив", рассматривает, в частности, вопросы любви как философской категории (первая часть – «Способны ли мы любить?») и феномен альтруизма («Альтруизм vs Эгоизм»).

Книга рассчитана на массового читателя, абсолютно не подготовленного в данной сфере. Написанная в приватной, остроумной манере, она носит развлекательный характер, но в то же время затрагивает волнующие всех вопросы, ответы на которые хоть и отличаются нестандартностью, однако побуждают читателя делать собственные выводы.

Содержание

Способны ли мы любить?	4
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Александра Рендакова

IntraVert'ka

Способны ли мы любить?

19:24

Она склонилась над раковиной. Открутила кран, набрала воды в рот и выплюнула. Подождала несколько секунд, стараясь дышать равномерно, чтобы остановить накатывающий приступ дурноты. Во рту оставался неприятный привкус, слюна казалась теплой, тошноту вызывала одна мысль о том, чтобы проглотить ее. Девушка сплюнула.

«Нет, это само не пройдет – нужно попытаться вызвать рвоту».

Осуществить это было не так легко. Она взяла зубную щетку и, низко опустив голову, принялась давить на основание языка, почувствовала спазм, но, прежде чем содержимое пошло вверх по горлу, сработал обратный рефлекс – она резко вдохнула через рот, и все закончилось, так и не начавшись. Тело успокоилось, она лишь часто задышала. Ее организм хорошо выучил повторяемый каждое утро урок – с утра после чистки зубов она переходит к чистке языка, что вначале вызывало рвотный рефлекс, но она научилась подавлять его. И вот результат – невозможность самостоятельно

вызвать рвоту в такие моменты, как этот.

«Однажды я отравлюсь чем-нибудь и при отсутствии рвотных средств так и сдохну изза желания иметь приятный запах изо рта.

Глупо. Ужасно глупо».

Но что-то надо было предпринять. Раз тошнота не прошла – придется оставить содержимое в желудке, тем более что он так не хочет с ним расставаться. Тщательно почистив зубы и умывшись, она почувствовала, что ей немного полегчало. Но в животе еще продолжала пульсировать тупая боль. Девушка приложила к нему горячие после воды руки – стало приятнее. Временно.

Как только дурнота отступила, включился мозг. Что это было? Вряд ли она съела что-то не то, хотя это и не исключено. Днем она пила воду из-под крана – может, в этом причина? Хотелось бы надеяться, но она знала, что это не так. Она сильно похудела за последнее время, вкусовые ощущения резко изменились: приходилось как минимум секунд пять трясти над тарелкой солонкой, чтобы удовлетворить острую потребность в соленом, но вскоре возникала другая – в сладком, и тогда она пила приторный кофе. Под глазами у нее давно залегли темные круги, как у заядлых курильщиков или мучающихся бессонницей, но она не относилась ни к тем, ни к другим. Эти круги, как она слышала, могли быть вызваны обезвоживанием организма, но поскольку огромная чашка, из которой она пила кофе не менее пяти раз за день, и так

вошла в ее семье в поговорку, такое объяснение, как обезвоживание, не представлялось правдоподобным. Иногда она сама казалась себе мнительной, но необъяснимые боли повторялись и были не менее реальны, чем мучившие ее теперь подозрения.

«Может, рак желудка?»

Или что-то с поджелудочной?»

Язва представлялась в такой компании меньшим из зол.

Даже желанной.

«Рак желудка, кажется, неизлечим...»

Она представила себя после курса химиотерапии.

«Неужели вот так это и происходит, без какого-либо предупреждения?»

А может, это и было последнее?»

Она прошла в комнату и осторожно, стараясь не делать резких движений, прилегла на диван.

«Что я хотела сделать перед смертью?»

21:06

«Я схожу с ума...»

Безумие по Эйнштейну – выполнение одних и тех же операций, ожидание разных результатов. А как насчет полуторачасового размышления над одним и тем же вопросом и отсутствие каких-либо выводов? Вероятно, это определение депрессии.

Или отсутствия логики.

Депрессии, вызванной отсутствием логики.

Отсутствие логики ведет к непониманию причин явлений. Значит депрессия является следствием этого непонимания.

Но если это я поняла, значит логика у меня отсутствует не полностью.

А значит депрессия...

Господи, да заткнешься ты наконец?!»

Она перевернулась на другой бок и слабо выругалась из-за очередного приступа боли, начавшей, как ей казалось, утихать.

Боль обостряет восприятие действительности. Девушка осмотрелась – квартира тонула во мраке. Немногочисленные предметы мебели отбрасывали в сторону длинные тени. Пластиковое окно не пропускало городской шум. И также предудительно не выпускало. Темно и тихо, как в гробу. А она – лежащий в нем красивый трупик.

«Может, это и к лучшему, если все закончится быстрее. Без лишней тяготы. Сколько раз ты сама об этом думала? Вот за тебя и решили. Видно, не себе одной ты уже опротивела.

Столько упущенных возможностей...

И в то же время ни одной.

Что я могла сделать?

Стать любовницей какого-нибудь профессора? Продвигаться с его помощью по карьерной лестнице?»

Была такая возможность. Но также у нее было обострен-

ное чувство брезгливости, граничившее с патологией, которое заставляло ее тело расценивать любое прикосновение к себе в качестве удара и реагировать соответственно.

«Что ж, можно было обойтись вербальными контактами. Надо было только преданно смотреть им в глаза, пока они несут всякую ахинею, и смеяться над их глупыми шутками. Затем, через несколько лет, встать за кафедру и продолжить эту славную традицию...

Или устроиться в газету и писать трогательные и душещипательные очерки о неземной любви, героических актах самопожертвования, достижениях нашей передовой науки и прочей пользующейся спросом чуши. Пополнить ряды посредственности».

Конечно, она этого не сделала. И вот лежит здесь с осознанием того, что гордиться ей тоже особо нечем.

«Если так подумать, настоящий ад или рай – он здесь, на Земле. Ближе, чем мы думаем. А после смерти не надо ставить на огонь котлы, не надо заготавливать серу или возвращать семьдесят две девственницы – надо только оставить человеку его разум, оставить душе ее память – и вот оно, покаяние, самобичевание – не Судный день, а Судная вечность...»

Она отдала бы все сейчас, лишь бы не думать.

Потому что ее разум загнал ее в состояние, которое она однажды уже переживала в штормящем море, в детстве. Сейчас она чувствовала себя так же, как в тот момент, когда ее

накрыла высокая волна, захлестнула, подхватила ее, как песчинку, и подчинила себе, закружив в своем водовороте. Под водой она открыла глаза, но поняла, что ничего не может сделать, не может заставить свое тело подчиняться себе, не может преодолеть эту силу, а даже если бы и могла – она не знает, что делать, не знает, куда плыть – не знает, где большая глубина, а где берег, не знает, где дно, а где спасительный воздух; она испугалась – того вдоха, что она сделала, не могло хватить надолго, и тогда она просто отдалась этой власти, думая, что это конец.

Сейчас было то же самое.

Только без воды.

Сейчас, уставившись в темноту широко открытыми глазами, она стала тихо напевать. Тщательно проговаривая по слогам, растягивая каждое слово. Заставляя себя сосредоточиться только на этих фразах, предложениях, заставляя себя думать только об их содержании, смысле, словно это были слова молитвы, но у нее не было ни просьб, ни благодарностей – у нее была только одна цель: заставить себя не думать о том, что именно так и сходят с ума.

She's not the kind of girl
Who likes to tell the world
About the way she feels
About herself

She takes a little time

In making up her mind
She doesn't want to fi ght
Against the tide

Lately
I'm not the only one
I say
Never trust anyone

Always the one who has to drag her down
Maybe you'll get what you want this time around

The trick is to keep breathing
The trick is to keep breathing
The trick is to keep breathing
The trick is to keep breathing¹...

10:56

На следующее утро она встала поздно. Сделала себе горячие бутерброды, налила кофе, развернула газету и принялась читать обзор зарубежных новостей. Что она ненавидела, так это торопиться по утрам – чтение всей газеты заняло около часа. Свернув ее пополам, она поставила на нее пустую чашку и уже поднялась, чтобы вскипятить еще воды для кофе, когда взгляд ее остановился на одном объявлении в рамке, среди прочих напечатанном на последней странице.

¹ Слова песни «The trick is to keep breathing» группы Garbage.

Психологическая консультация
Первый сеанс – бесплатно
Запись по телефону.

Первое, что ее зацепило, было слово «бесплатно». Чужой человек не способен решить проблемы другого чужого человека. Это просто новомодное увлечение, с одной стороны, и вытягивание денег – с другой. Иллюзия излечения. Сама бы она никогда не стала платить за то, чтобы ее выслушали с участливослащавым выражением лица, выдали парочку банальных советов, прописали «Прозак» и настоятельно рекомендовали прийти в следующий раз. Но употребление слова «бесплатно» – ловкий маркетинговый ход, тонкая психологическая уловка, рассчитанная на абсолютное большинство... Она бы не купилась на нее, если бы не воспоминание о вчерашнем вечере. Точнее, четкое осознание того, что он еще повторится.

Она вспомнила ряды молоденьких девочек, ожидавших своей очереди на подачу документов у двери кабинета с табличкой «Психология».

«Что ж, посмотрим на них в старости. Посмеемся. Пожа-

луй, это будет даже интересно – наблюдать, как он или она будет пытаться меня раскусить».

Помедлив еще некоторое время, она все же встала, взяла мобильный телефон и набрала указанный в объявлении номер.

– Да, у нас как раз есть сегодня окно, – услышала она бодрый голос секретарши после того, как изложила причину своего звонка. – С двух до трех вас устроит?

Получив утвердительный ответ, та добавила:

– Вам очень повезло. Обычно приходится ждать несколько дней.

«Кто бы сомневался. Именно по причине загруженности вы подаете объявления о бесплатной консультации».

– Как вас записать? – донеслось тем временем из трубки.

12:31

Девушка бросила последний взгляд в зеркало и направилась к двери. По правде говоря, не нужно было быть психологом, чтобы понять, что у нее проблемы: дутый черный плащ, джинсы с потертостями, грубые ботинки, макияж *smokey eyes* и прозрачный блеск на вечно обветренных губах. Вид подавленный и подавляющий одновременно. Окружающие, вероятно, затруднялись, к какому типу ее отнести – то ли к представителям какой-то секты, то ли к банальным токсичным самоубийцам. Кажется, они считали ее способной на жестокость, возможно, даже на насилие. Она догадывалась об этом. Это ее забавляло.

«Тем лучше – меньше будут лезть со своими домогательствами».

Проложив маршрут по карте города, девушка направилась к месту назначения пешком. Она любила ходить пешком: торопиться все равно было некуда, опять же экономия, не нужно стоять на остановке, толкаться в вагоне метро или в салоне автобуса, терпеть на себе чужие взгляды, сдерживать свои садисткостерилизационные наклонности. Ей нравилось быть третьей стороной – наблюдать за остальными отвлеченно, как на экране телевизора. Кроме того, усталость в теле, прилагавшаяся в качестве бонуса, гарантировала ей быстрое забытье ночью.

Но с недавнего времени что-то изменилось. Она вдруг обнаружила себя втянутой в эту мыльную оперу, и это ей совсем не понравилось.

«Скоро будет невозможно просто пройти из пункта А в пункт В».

Она чувствовала себя экспонатом в музее или мартышкой в зоопарке, будто нарочно размещенной за стеклянной витриной ради демонстрации и развлечения всех желающих. Взгляды мальчиков смешны и тривиальны, как игры в пансионе благородных девиц. Но взгляды мужчин – это другое. Они знают, что делать, как делать, и хоть среди них тоже немало малышей, над которыми можно посмеяться, с другой половиной ты сама чувствуешь себя гимназисткой, вынужденной опускать глаза. Потому что не знаю, как другие,

но лично она отлично умела читать во взгляде желание. Это прямой, без всяких обиняков и недомолвок, взгляд, который не скользит по твоему телу – он это уже сделал – и направлен прямо в глаза, он только ждет твоего ответа.

Такие взгляды она старалась избегать. Она делала вид, что не замечает их. Если же он застигал ее врасплох, она либо отводила глаза, либо пыталась изобразить на лице непонимание и полную индифферентность.

Черт возьми, ей это не нравилось.

Это отвлекало. Поначалу она искренне удивлялась им, но по мере роста числа независимых представителей вывод напрашивался сам собой. Она уже не девочка. По крайней мере, в их глазах. И именно это доставляло неудобства. Она уже не могла так самозабвенно, как раньше, наблюдать за ними, словно зритель в кинотеатре. Жизнь грубо превратила ее в одну из актрис, даже не ознакомив с ролью.

«И что я должна делать? Для кого-то, возможно, это было сродни получению Оскара или долгожданного подарка на Рождество».

Только не для нее.

«Хочется послать их всех подальше с криком:

– Мне не нужен секс! Обойдусь и без вас. Не мешайте заниматься делом!

Но ты не сделаешь этого, потому что хоть ты и начинающий философ, психолог, писатель – кто угодно, но ничто человеческое тебе не чуждо, и ты не можешь не испытывать

тщеславия при мысли, что тебя хотят. Это заложено в человеческой природе, и, возможно, является главной причиной того, что человеческий род еще продолжает размножаться. Мир вертится не вокруг любви, а вокруг гордыни каждого из нас».

Кажется, она была уже на месте.

Типичный офисный центр. На первом этаже – псевдояпонский ресторан с наклеенными надписями «суши» и «роллы» на окнах, сбоку – стеклянная дверь, судя по всему, ведущая к офисам наверху. Она заглянула внутрь – ни администратора, ни охранников, только табличка во всю стену с указанием названий фирм, номерами этажей и кабинетов.

Психологическая консультация «Энигма» – 4 этаж – каб. 412

Зажата между промоутерской компанией «31Pro» и ремонтом мобильных телефонов. Сбоку приклеено объявление об освободившейся вакансии уборщика «с окладом выше среднего».

Все это не внушало доверия.

Комната, окрашенная приветливой, персикового оттенка, краской, совершенно пустая, если не считать лестницы, и совершенно неприветливая.

«Очень опрометчиво с их стороны было не посадить сюда молоденькую девушку-консультанта. На первый взгляд – лишние расходы. Но не так-то просто зайти, минуту таращиться на эту табличку, перекинуться парой-тройкой слов

с милостивой девушкой, которая, безусловно, совершенно бескорыстно предложит свои услуги, возможно, даже ответить на ее улыбку, а затем как ни в чем не бывало выйти за дверь.

На такое способны не многие.

Любопытно, что «Энигма» им на это не указала».

В голове неумолимо рождались фразы, типа: «Может, свалить отсюда?», «Да ну ее на ... эту Энигму», «Ты действительно думаешь, что она тебе поможет? Тогда ты еще большая дура, чем она. Или он».

13:44

Она осталась. Возможно потому, что перспектива возвращения домой пугала ее еще больше. Но предварительно она выбрала себе укромный уголок и не спеша, с особым наслаждением выкурила сигарету. Однажды она слышала, что тяга к сигаретам на самом деле не что иное, как подавленное сексуальное желание. Сублимация орального удовольствия. Если верить Фрейдю, она так и не сдвинулась с этой первой, оральной стадии, которую должна была преодолеть лет эдак двадцать назад. Впрочем, если верить истории, он тоже.

«Если бы человек, каждый раз беря в рот сигарету, представлял себе вместо нее нечто совершенно иное, абсолютное большинство курильщиков вскоре бросило бы курить.

По-моему, блестящий аргумент против Фрейда.

Можно продавать как антитабачную рекламу.

Курение – это действие совершенно бессмысленное с точ-

ки зрения физиологии, а значит приносящее определенную пользу в сфере нематериальной. Кто-то грызет семечки, кто-то тупо щелкает по каналам, один играет в компьютерные игры, другой занимается мастурбацией, третий сидит в социальных сетях, четвертый – на игле, пятый напивается до потери сознания, шестой заводит очередную интрижку, седьмой сосет леденцы или наедается шоколадными конфетками. Где смысл этих действий? Смысл их не в результате, а в самом процессе.

Затуманивания мозгов. Краткосрочного абстрагирования от смердящих результатов жизнедеятельности нашего бытия. Получения удовольствия и отсрочки неудовольствия.

Вот сейчас она пытается отсрочить нечто неприятное и заняться чем-то приятным, например этим рассуждением. И если так посмотреть, то вся наша жизнь – сплошное курение, действие бессмысленное с точки зрения физиологии, а значит приносящее определенную пользу в сфере нематериальной. А если так, тогда почему следует запрещать курить в общественных местах, а не есть или не дышать? Не логичнее ли сразу запретить людям размножаться?

Черт, я уже опаздываю».

14:03

Это был он.

Психологом оказался мужчина, причем именно такого типа людей, который ее особенно раздражал. Когда в классе одна из девушек грохнулась в обморок, она одна осталась

сидеть на стуле и, понаблюдав некоторое время за суетой остальных, продолжила решать задачу по алгебре. Когда она с разбега налетела на торчавшую из асфальта железяку и разбила палец на ноге в кровь, ее отец, шедший рядом, не заметил в ней никаких изменений. Он заметил только кровь, сочившуюся на подошву, после того, как они благополучно сделали покупки в магазине и вернулись домой, а потом долго доставали металлические осколки из мякоти. Тем не менее в присутствии отдельных представителей Homo Sapiens она теряла над собой контроль и действительно чувствовала себя способной на насилие, причем самого зверского характера.

Навскидку девушка припомнила несколько подобных экземпляров: занудного паймальчика в очках, который был возмущен, услышав ее нецензурные высказывания, и возвестил, что «в силу обстоятельств вынужден удалиться», после чего был снабжен вслед соответствующими сопутствиями; философаизвращенца, осуществляющего софистические надругательства над издыхающим и приобретающим трупную окоченелость здравым смыслом; и, наконец, вечно улыбавшегося, доброжелательного и благонадежного конформиста, всегда со всеми соглашавшегося и чрезвычайно расстраивавшегося, когда на его бесхребетность-тире-отзывчивость она отвечала ему еще большей грубостью.

Последний экземпляр как раз и находился сейчас перед ней. Она поняла это по не сползавшей с его лица улыбке, по

тому, как он мягко пытался войти к ней в доверие – попросил присесть, предложил зеленый чай, от которого она отказалась, осведомился, как ей было бы удобно, чтобы он к ней обращался, выразил удовольствие от знакомства и надежду на их благотворное сотрудничество, а, наконец, усевшись в кресло напротив, уставился на нее своим экстатически-экзальтированным взглядом.

«Как собачка в ожидании косточки».

Из всего этого девушка сделала вывод, что следующий час будет потрачен на ненавязчивые нравоучения, которые будут высказаны осторожно, чтобы ни в коей мере не нанести еще больший вред ее и так расшатанной психике, на слащавые улыбки, которые призваны служить подтверждением того, что он не только ее внимательно слушает, но и что важнее – ПОНИМАЕТ, на снисходительно потупленные взоры, словно говорящие: «Кто из нас не без греха?», и на безграничную надежду на оптимистическое развитие событий, рецепт которого прост – ей всего лишь нужно было стать такой же тряпкой, как и он.

Девушка отвела глаза и посмотрела в окно, уже чувствуя себя как в клетке. Если хорошенько подумать, конечно, она была чересчур строга к нему. Как и вообще к окружающим. Он, вероятно, был не таким уж плохим человеком, даже наоборот, о нем, наверное, на протяжении всей его жизни отзывались исключительно положительно, но во всем этом как раз и чувствовалась ужасная фальшь. И это выводило ее из

себя.

«Зачем быть всегда и для всех положительным? Если я ему не нравлюсь или он меня осуждает – почему так и не сказать мне, не обманывая ни меня, ни самого себя. Пусть назовет меня эгоисткой, больной на голову, несформировавшейся духовно, категоричной, предъявляющей повышенные требования, неблагодарной неудачницей, депрессивной сукой, наконец.

Все это мы уже слышали.

Может, это неприятно, иногда больно, но это честно.

Забавно, что именно такие искренние, положительные люди оказываются самыми отъявленными притворщиками, лжецами и лицемерами. Они думают, что, поступая так, то есть «положительно», они тем самым приближают себя к образу Христа, но Иисус не был тряпкой – иначе он не попал бы на Голгофу. Лжепророки и лжеправедники резервируют себе более комфортабельные места».

Маневр с окном не укрылся от ока психотерапевта. Он поспешил заверить ее, что начало всегда самое трудное, ей нужно только расслабиться и рассказать ему, почему она пришла, что ее мучает, и тогда они вместе – **ВМЕСТЕ** (читай по истечении n-ого числа сеансов) – придут к консенсусу.

КОНСЕНСУСУ!

Он снова ей улыбнулся и, подавшись немного вперед, от чего ей захотелось очутиться в противоположном углу комнаты, произнес:

– Для начала расскажите мне немного о себе. Что хотите, первое, что придет Вам в голову.

«Понятно, метод свободных ассоциаций. Хоть бы что-то новенькое придумали, плагиатчики несчастные».

– А курить здесь разрешается?

Курить ей не хотелось – ей хотелось уловить его подлинные чувства – неприязнь, досаду, злость, отвращение, гнев – все что угодно, только не эту глупую улыбку. Ей вдруг стало интересно, через сколько минут он не выдержит и его благонаравие затрещит по швам.

– К сожалению, – сказал он, мягко и извинительно улыбаясь, – во всем здании курение запрещено. Вы же понимаете, мы должны руководствоваться недавно принятым законом...

Создавалось впечатление, будто он, как завзятый курильщик, сейчас начнет хулить правительство, но она точно знала – спроси его про правительство и он начнет хулить курильщиков.

Пропагандировать здоровый образ жизни.

«Он, видно, ужасно боится сделать что-нибудь противозаконное или порицаемое общественностью. Наверняка это его самый страшный ночной кошмар. Поэтому он не пьет, не курит, не сквернословит и вообще воздерживается от каких-либо собственных суждений. Удобная жизненная позиция. А главное – так похожа на христианское смирение, что их вечно путают.

If you see purity
As immaturity
Well it's no surprise.
If for kindness
You substitute blindness
Please open your eyes²...

Она снова взглянула на сидевшего напротив мужчину – перед ней было само терпение и благожелательность.

«Теперь собачка жаждет послушать историю из раздела криминальной хроники. Трагическую исповедь жертвы сексуального насилия, наркотической зависимости, психического расстройства на почве утраты возлюбленного, члена семьи, золотой рыбки – не важно; описание неудачной попытки суицида или хотя бы ежедневного ритуала нанесения себе порезов, историю сектантского порабощения, болезненной дефлорации, жестокого обращения в детстве или раздвоения личности на Дюймовочку и Тайлера Дердена. Но всего этого он не услышит. Мое так называемое «тяжелое» детство не содержит материала, на основе которого можно снять второй «Титаник»».

Это она ему и сказала. На лице психотерапевта промелькнула озабоченность – видно, не успел подготовиться.

– Вы... – начал он заикаясь, усиленно стараясь вернуть себе прежнее выражение благожелательного оптимизма. – Вы

² Слова песни «Condemnation» группы Depeche Mode.

полагаете, что ваша жизнь не содержит ничего важного, значимого, не содержит... – он откашлялся. Улыбка появлялась и исчезала, словно зажила жизнью паралитика. Глаза упорно рыскали по углам, вероятно, в поисках залежалого смысла жизни.

Она прервала это безнадежное занятие:

– Чтобы не тратить время, скажу сразу, в чем моя проблема.

– Да? – он весь приободрился.

– Я не могу найти работу по специальности.

Ей показалось, или он правда с облегчением вздохнул?

«Нет, не показалось».

Даже с расстояния в полтора метра до нее донеслось его старческое дыхание. В паре глаз напротив забрезжила надежда.

– У Вас есть высшее образование?

– Еще какое...

– И какое же, позвольте полюбопытствовать?

– Философское.

– Философия! Очень интересно! – он тут же стал воплощением любезности.

«Еще бы. Что может быть лучше – изучавший философию признает себя недееспособным настолько, что пресмыкается и ползает на коленях перед психологом. Хрустальная мечта всей его профессиональной жизни».

– А Вы обращались в агентство по трудоустройству?

– Если бы я считала, что там мне помогут, я бы обратилась.

Он искренне пытался изобразить понимание. Правда, было видно, что он очень старался.

– Скажите, а почему Вы считаете, что Вам не в состоянии там помочь?

Теперь уже она не стала скрывать своей иронии. На детей и обделенных при раздаче серого вещества не обижаются.

– Потому что философия и религия сейчас не в моде. Можно было бы сравнить их с антиквариатом или одеждой винтаж, но это будет сильным преувеличением, поскольку и та, и другая сейчас покоятся на полках секунд-хенда. А ее носители, соответственно, отбросы общества.

– Извините, правильно ли я Вас понял? Вы причисляете теологов, профессоров философии, богословов к люмпенам? – его улыбка на сей раз носила явный саркастический характер. – Но, насколько мне известно, – на слове «мне» было сделано ударение, – это уважаемые люди, заслуженные деятели наук, интеллигенция, элита нашего общества...

– Само собой. Потому что к философии и религии они не имеют никакого отношения.

Улыбка резко потухла. Девушке пришлось прикусить губу, чтобы сдержать победный клич. Эксперимент явно удался.

– Скажите, пожалуйста, на основании чего Вы пришли к подобному заключению? – он старался сохранить остатки

профессионализма, сползавшие с него также неумолимо, как ляжки стриптизерши с шеста, даже сделал какую-то пометку в блокноте.

Девушка задумалась. Стоило ли рассказывать о пяти годах обучения, прошедших далеко не безболезненно для ее психики? Едва ли он был способен ее понять. Впрочем, кто когда-либо кого-либо действительно понимал, а не думал, что понимает?

– Вы в курсе, кто сейчас идет на философский? – начала она отвлеченно, как будто его здесь не было и она просто продолжала ночной диалог с самой собой. – Тот, кто не поступил на остальные специальности – проходной балл сюда специально занижен. «Платите деньги – и мы сделаем из вас Аристотеля» – негласный слоган данной компании. Получается, у тебя недостаточно мозгов, чтобы стать экономистом, социологом, журналистом, психологом, но ты вполне сгодишься для философа.

Ирония заключена в том, что я-то шла сюда намеренно. Вы бы видели мой энтузиазм на первом курсе! Были здесь и другие, такие же, но лучшие из них занимались декларированием учебника и усердным поглощением всех якобы «знаний», которые им преподносили на тарелочке в уже переваренном виде. Не знаю, что их прельщало больше – философия или статус философа. Но это еще можно было бы вынести, если бы однажды я не поняла, что люди, преподающие мне философию и все остальное, не выросли из моих же од-

ноклассников... – девушка усмехнулась.

– К концу второго курса я уже презирала их всех. Я не ходила на лекции, начала курить и писать свои собственные статьи. На английском. Но знаете, что мне вскоре стало ясно? Это никому не нужно. Абсолютно никому. Кроме меня. И тогда я решила оставить им их соломенные чучела, их любимые, трепетно оберегаемые заблуждения, бредовые понятия, их фиговые листки. Они от этого только выиграли. Только я с того момента превратилась в холодный, разлагающийся, кишачий червями и паразитами труп...

Что вы можете мне посоветовать?

Я и так знаю, что вас учат говорить в подобных случаях.

Чем вы можете мне помочь?

Прописать курс антидепрессантов? Может, лучше сразу записаться на лоботомию?

Девушка сжала в кулаки заледеневшие пальцы, подняла глаза на психолога и с издевкой спросила:

– А какое учебное заведение окончили вы, доктор?

14:35

Выйдя из здания, она несколько секунд стояла неподвижно, вспоминая и не зная, что ей делать дальше.

Эндорфины, как видно, улетучились гдето между вторым и третьим этажом.

«Быть или не быть? Вот в чем вопрос».

Она никогда не любила и не понимала Шекспира.

«Если быть – то зачем?»

Уж она-то лучше многих других знала, что без этого «зачем» аргументы в пользу «быть» становятся слабее с каждым днем...

«Хватит стоять здесь».

Она побрела вниз по улице. Мимо пронеслись машины, навстречу и позади нее шли люди – одни куда-то спешили, другие что-то с озабоченным видом обсуждали, третьи над чем-то звонко смеялись. Она не смотрела в их лица, не смотрела им в глаза – она уже давно ничего от них не ждала.

«Такие занятые, такие целеустремленные... Словно нарочно окружают себя как можно большим числом обязанностей, неотложных дел, проблем, в надежде избежать одного, только одной участи – участи спрашивающего себя «зачем?»».

Девушка посмотрела вверх, на небо. Хмурое солнце, прикрывшись темно-серыми, грязными облаками, кажется, тоже смотрело на все это довольно безрадостно. Не исключено, что оно смотрело так только на нее.

«Не знала, что жить без разбитых мною же иллюзий будет так тяжело...»

Она вдруг улыбнулась. Почти засмеялась.

Она умела оценить иронию Бога.

«Мало кто мыслит самостоятельно. Большинство людей делится на тех, кто боится иметь свое, отличное от других мнение, и на тех, кто не способен его иметь а priori. Поэтому они заимствуют непонятно откуда взявшиеся, непо-

нятно кем выдуманнные универсалии, типа: «добро» и «зло», «справедливость» и «несправедливость», «любовь» и «альтруизм», «эгоизм» и «себялюбие», «самопожертвование» и «преследование личных интересов»... Не зная этих слов, не зная значения этих понятий, они много о них рассуждают. Слишком много».

Конфуций бы ее понял.

«Я думала, что, очистив имена от шелухи, я получу свободу, знание, мудрость. Думала, что получу спокойствие. Я объявила войну всем, кто пользовался этим словарем. И даже выиграла несколько сражений. Но эти победы принесли мне не радость торжества, а чувство горечи, отчаяния корабля, потерявшего из виду сигналы маяка. И в этом заключена вся Его ирония. Когда-то я презирала этих людей, когда-то я их ненавидела, затем осуждала, желала им смерти, теперь я их понимаю».

Обилие людской массы начинало раздражать. Она свернула во дворы домов. Обстановка, где все казалось вымершим, словно после удачно проведенных испытаний глобальной катастрофы 2012 года, больше отвечала ее вкусам. За шторами не горели лампочки, ни за одним из балконов не трепыхались на ветру старые наволочки, в палисаднике никто не следил за тем, как его питомец справляет нужду. Бесцельно бродя по запорошенным снегом тротуарам, она наткнулась на полуразвалившуюся лавочку. Села. Было ветрено и одиноко. Девушка спрятала руки глубоко в рукава плаща.

Забавно. Когда они жили Там, она была уверена, что во всем этом есть смысл. Когда она безучастно лежала на кровати, взвешивая, стоит ли такая жизнь борьбы за нее или нет; когда дрожала от ярости и своего бессилия, видя унижения ее семьи; когда ощущала себя единственной здоровой, попавшей в сумасшедший дом; когда тихо плакала ночами, стараясь не разбудить родителей – она верила, что во всем этом есть смысл. На первой странице ее блокнота была цитата Вольтера:

«Случайности не существует – все на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвозвестие». Единственное, о чем она мечтала, было вырваться оттуда. Единственное, чего она не понимала, почему Мартин Гор пишет настолько близкие, настолько понятные ей песни, ведь он не заключен в этот концлагерь, не замурован в этом проклятом месте...

Затем отец перевез их сюда. Первые полтора года она была так счастлива, что сама себя не узнавала. Если бы в этот период кто-то взялся за нее посерьезнее, возможно, она не долго бы сопротивлялась. Однажды она дошла до того, что ей захотелось разбить диск DM. Судя по всему, этот обряд инициации должен был означать конец ее прежней жизни. Но прежняя жизнь уже текла в ее венах.

Через некоторое время она стала внимательнее. Еще через полгода она начала курить. И дело было не в том, что Земля Обетованная оказалась не такой молочной и медовой

на вкус, как она предполагала. Просто большинство ее обитателей отзывались о ее бывшем местопребывании так, что она поняла: они не превратили свое в то же самое не потому, что осознают весь ужас там происходящего, а потому, что им еще не представилось такой возможности. Отсюда последовал вывод, что Земли Обетованной не существует, потому что существует Человек Разумный. А отсюда недалеко было до заключения, что все это не имело смысла.

«Если я начинаю проповедовать иррационализм, значит дело совсем дрянь. На этом маршруте только две станции – дом Ницше и авеню Симора Гласса, конечная».

Она поплотнее укуталась в плащ и подтянула меховой воротник к подбородку. Начинался снегопад.

«К завтрашнему дню надо написать четыре статьи по три тысячи знаков. Очередной бред сивой кобылы. И она слишком долго с ним тянула».

Зачем я согласилась на эту тему? Я же ничего не смыслю в цветах. С другой стороны, в модных тенденциях этой зимы и способах увеличения тяги в камине я смыслю еще меньше... Четырежды пять – двадцать. Это пакет молока, пачка хлопьев «Геркулес» и зубная паста. Или десяток яиц и зубная паста. Может, рано я уволилась с почты?»

Запас денег, отложенных на черный день, начинал иссякать.

Бесплатные газеты тоже подходили к концу.

«Нет, уж лучше так, чем с восьми до двух слушать их»

бредни: как оценилась чья-то собака, какие «прелестные» у кого-то детки, какие «стреляющие» у другого боли в пояснице и какая шалава Люська из бухгалтерии».

После этого, приходя домой, она уже ничего не могла написать.

«Надо дотянуть до конца недели – там поеду к родителям...»

– Девушка, можно с вами познакомиться?

«Начинается...»

Девушка молчала. Она даже не подняла глаза.

– Девушка, можно с вами познакомиться? – повторил молодой, страдающий комплексом сверхполноценности, пухловатый паренек, на вид – выпускник старших классов.

На этот раз девушка окинула его быстрым, оценивающим с головы до ног взглядом, от которого объект изучения слегка опешил, затем отвернулась и негромко произнесла что-то.

Мужчину отличают от мальчика последовательность в поступках и трезвость мысли в критических ситуациях. Старшеклассник принял их за тупое упрямство и умение скрывать от окружающих свой испуг, и поэтому спросил:

– Что вы сказали?

– Смысл?

Голос ее прозвучал ниже, чем обычно, что было нехорошим знаком, но он этого не знал.

– Ну... для общения.

–

– Как вас зовут?

Ответа не последовало.

– Не хотите говорить?

Пауза определенно затягивалась.

– Раз не хотите, я угадаю.

«Интересно, эти приемы когда-нибудь обновляют?»

– Маргарита?

– Нет.

– Елена?

– Нет.

– Александра?

– Нет.

– Почему вы не хотите со мной познакомиться?

–

– Вы кого-нибудь ждете?

–

– Может, вы уже заняты?

Девушке хотелось ответить, что она не отхожее место, чтобы быть занятой кем бы то ни было, но в целях ускорения процесса, она решила перейти на доступный для окружающих язык:

– Да. Я занята. Понятно?

18:36

«Какая женщина не любит цветы? Они радуют глаз своими яркими красками, интригуют едва уловимыми ароматами, преображая все вокруг себя. У каждой представитель-

ницы прекрасного пола есть свои фавориты в мире цветов. Одна отдает предпочтение насыщенным, пестрым оттенкам, другая – нежным, пастельным тонам. Но есть среди цветов и общепризнанные лидеры, пользующиеся особой популярностью.

Первое место, безусловно, занимает роза. Семь из десяти опрошенных женщин назвали букет из этих цветов лучшим подарком. Любовь к розам настолько масштабна и неутомима, что доставка цветов осуществляется круглогодично. А разнообразие выведенных видов в силах удовлетворить вкус самых взыскательных красавиц. Пурпурные, алые розы дарят женщинам, к которым испытывают страсть, перед которыми преклоняются. Красные розы служат эмблемой любви и уважения, белые – чистоты и благородства.

Второе место делят между собой гвоздика и тюльпан. Эти цветы ассоциируются с двумя самыми распространенными праздниками, однако их можно дарить и в другие дни. Тюльпаны служат выражением нежных чувств дарителя. Гвоздика же считается символом свободы и верности. Именно ее вдевали в петлицу борцы за независимость во Франции, идя на баррикады.

Белые лилии снискали себе славу цветка невест и молодых девушек. Они олицетворяют собой чистоту, первозданность, целомудрие и благородство. Именно поэтому ни одна свадьба не обходится без них. Лилии относят к числу жизнестойких, поэтому доставка цветов мало отразится на их

внешнем виде и аромате. Чтобы добавить еще больше очарования к букету из лилий, можно выбрать ветку, на которой только один цветок полностью распустился, другие же только начали открываться.

В последнее время все большую популярность завоевывают орхидеи. Эти действительно уникальные, экзотические цветы когда-то ценились на вес золота, поскольку не приживались в Европе, а поиск новых видов и доставка цветов из Индии стоили жизней многих смельчаков. Сейчас же любая представительница прекрасного пола может наслаждаться их неповторимой красотой.

Следующее место в сердцах женщин занимают миниатюрные цветы, такие как сирень, фиалки, ландыши, колокольчики. Они источают аромат весны, воскрешают в памяти времена молодости, беззаботности и веселья.

В череде серых будней кому бы не хотелось хоть на минуту снова стать беспечным? Иногда такой незначительный подарок, как связка ландышей, ценится дороже любого букета...»

Она еще раз пересчитала количество абзацев. После трех статей под названиями: «Какие цветы подарить теще на день Рождения?», «О чем говорит цвет подаренных роз?», «Топ любимых цветов женщин», ее фантазии уже не хватало на то, чтобы придумать скольконибудь осмысленное предложение с ключом «доставка цветов». Поначалу это казалось не трудным. Но данное словосочетание нельзя было ни склонять, ни

изменять, нельзя было даже ставить его в начале предложения, потому что тогда первая буква будет заглавной, кроме этого, ключ должен был располагаться в определенных местах и непременно в середине абзаца. Все это, однако, увеличивало стоимость статьи вдвое. Она начала просматривать скачанные картинки цветов для вдохновения. Помогло не очень.

«Кажется, я посижу с этим весь вечер».

Сегодня на электронный ящик ей пришло письмо от бывшей одноклассницы. Когда-то они общались. Даже обсуждали «Гордость и предубеждение». А она не с каждым обсуждала ТАМ «Гордость и предубеждение». Бывшая одноклассница писала, что хочет возобновить переписку. Орфография и знаки препинания сохранены:

«Привет!!! Кажется, целую вечность не переписывались!
=(Жутко соскучилась!!!!!!!!!!!!!!!»

Как ты? еще учишься? Как статьи – где печатаешься? Что еще интересного в твоей жизни?

У меня вопросов миллион и еще чутьчуть, так что пиши все, что не забудешь =))) с нетерпением жду ответа!»

Ей не хотелось перечитывать это письмо, ей не хотелось отвечать на него и ей не хотелось оставлять его без ответа.

«Что я напишу?»

«Привет. Рада, что ты откликнулась. Я писала тебе несколько месяцев назад, но ты не ответила. Не получала мое письмо? Там были ссылки на некоторые мои статьи, ты ведь

хотела их почитать, но теперь это не важно. Я думаю, они тебе не понравятся. Честно, мне не хотелось бы ссориться с тобой из-за них, так что, может, это и к лучшему, что ты не получила то письмо. Если честно (во второй раз), я хотела совсем убрать свой сайт из интернета, но теперь это трудно сделать. Ты спрашиваешь, как у меня дела? У меня все хорошо. Я работаю, но, правда, не по специальности. Если честно (это третий раз), где я только ни работала: на ксерокопии – сидела, делала копии с бумажек, на почте – сортировщиком газет, даже в детском саду как-то подменяла воспитателя. Ты представляешь меня с детьми? Все на них там вечно кричали. Но это были единственные нормальные люди в детском саду. В общем, все хорошо. Я пишу. Я имею в виду, что продолжаю писать статьи для себя. Кстати, я еще работаю копирайтером. Звучит красиво, но на деле я рада, что над статьями, что я продаю, не стоит моя фамилия. А так все отлично. Как у тебя дела? Работаешь экономистом, как ты и хотела? Нравится? Что с личной жизнью? Видела у тебя на страничке фотографии какого-то парня... Встречала кого-нибудь из нашего класса? Как у них дела? Пиши мне скорее. Буду ждать ответа».

Господи, да я сама не стала бы отвечать на такое. А если все объяснить? Я не хочу ничего объяснять. Я не хочу ничего обсуждать, потому что она решит, что у них там не все так плохо. А она обязательно так решит, и тогда мне придется объяснять ей законы диалектики – что есть плохо, а есть

тоже плохо, только второе плохо лучше, чем первое, потому что все относительно и противоположностей не бывает, есть только их большая или меньшая степень. Завяжется острая дискуссия. Она начнет отстраняться, знаю я этот ее тон, я буду сдерживать себя, но в итоге не сдержусь и выложу, как я ненавижу то место, где она живет, тех людей, что там живут, она решит, что это относится и к ней, а она наверняка так решит, и на этом все закончится, холодное молчание. Так стоит ли отвечать на письмо?».

Она закрыла почтовый ящик. Ей хотелось затануться, но она понимала, что это только подстегнет ее мысли в том же русле. А надо было думать о другом, потому что она уже вынесла окончательное решение, рассмотрев все возможные варианты.

«Это все только эмоции. А эмоции могут довести тебя до вчерашнего состояния».

Развернув окно с фотографиями цветов, она произвольно поднесла руку к волосам. Вокруг пальца начал обвиваться черный локон. Затем, словно змея, он стал переползать со среднего на указательный, и даже на большой палец, и обратно, и чем быстрее она это делала, тем меньше девушка думала о цветах и предложениях с ключом. Взгляд ее остановился на часах в правом нижнем углу экрана.

Она резко опустила руку. Выпрямилась. И с мыслью, что все это ее уже конкретно достало и ей уже все равно, понравится или нет статья заказчикам и купят ли ее, начала быст-

ро печатать одной правой одно большое нагромождение банальностей:

«Выбираем цветы на День Рождения

Цветы... Какое удовольствие любоваться ими, вдыхать их аромат! Цветы – это символ жизни, красоты и очарования. Именно поэтому букет цветов – лучшее дополнение к любому подарку. Однако для того, чтобы сделать его запоминающимся, нужно учесть индивидуальность человека, которому Вы собираетесь его подарить. Конечно, лучше, если Вы знаете или какими-то обходными путями узнали вкусы именинника или именинницы. К сожалению, зачастую это не так, и тогда следующие советы могут Вам пригодиться.

Если Вам нужно выбрать цветы для женщины, то все зависит от того, что Вы хотите сказать своим подарком. Выразить страстность чувств помогут бардовые розы, астры, красные тюльпаны, нарциссы, незабудки, герберы или красные хризантемы. Удивите свою возлюбленную – выберите для нее экзотические орхидеи или таинственные камелии и сделайте так, чтобы доставка цветов была для нее неожиданностью, а утром у двери ее ждал Ваш подарок. Наверняка такое поздравление запомнится надолго.

Если Вы хотите выразить уважение, почтение или добрые пожелания имениннице – остановите свой выбор на гвоздиках, жасмине, ирисе, монстере или белых розах. Женщинам пожилого возраста можно подарить циннии, белые хризантемы, фуксии, тюльпаны, магнолии или мимозу. Если име-

нинница увлекается выращиванием цветов, то она, безусловно, оценит преподнесенный горшочек с фиалками или кактусом, который, кстати, служит символом упорства и трудолюбия. Для девушки же лучше подойдут азалии, нежные лилии, маргаритки, чайные розы, или невзрачные, но очаровательные ландыши, колокольчики или сирень.

Букет для мужчины может быть составлен из таких цветов, как гвоздики, герберы, гладиолусы, хризантемы. Мужские букеты должны излучать уверенность, стойкость, то есть не быть слишком маленькими и перегруженными украшениями. Оригинальная доставка цветов может сделать сам подарок еще более запоминающимся, даже если букет будет вполне стандартным.

Многое зависит не только от выбора основных цветов, но и от их сочетания с другими в букете. Если у Вас нет возможности или желания бегать по цветочным павильонам, то доставка цветов будет Вам очень кстати. Предоставьте решение всех вопросов профессионалам и предвкушайте удовольствие, которое получите от праздника.

Важно учесть и то, что многим не нравятся срезанные цветы, которые скоро увядают и совсем не радуют глаз. Если же у человека аллергия на цветы, то лучше совсем отказаться от них и заменить чем-то другим, например корзиной фруктов. В любом случае помните: главное – не подарок, главное – Ваше к человеку внимание».

Она шла по знакомому маршруту. И хотя она только что сняла деньги за принятые вчера статьи, ощущение было такое, словно она заработала их в подворотне после пяти минут, проведенных стоя на коленях. И речь здесь идет совсем не о милостыне.

Она злилась на себя за то, что была вынуждена делать это, но на самом деле она злилась и ненавидела себя потому, что понимала следующее: ее к этому никто не принуждал, это был ее собственный, осознанный выбор.

«До чего я дошла?»

Впереди замаячило до боли знакомое здание. Типичный офисный центр, псевдояпонский ресторан на первом этаже. Персиковая приемная. На стене все так же висит объявление об освободившейся вакансии уборщика.

«Оклад выше среднего. Для трудоустройства обращаться в отдел кадров».

Несколько секунд на размышление...

Через полчаса ее уже водили по техническим помещениям, выдавали дубликаты ключей, она расписывалась в технике безопасности, в ее трудовой книжке появилась очередная запись. Собеседование было коротким. После ее вопроса: «Много у вас уборщиков с высшим образованием?», встречного вопроса: «Зачем же вы в таком случае устраиваетесь на это место?», ее ответа: «Назовем это следствием творческого кризиса», но, скорее, в результате последовавшего за этим дополнения: «Послушайте, я не наркоманка, не алкоголичка,

не планирую взорвать ваше здание или вынести отсюда все компьютеры однажды ночью. Мне нужна эта работа, чтобы в остальное время не отвлекаться от своей работы», вопрос о трудоустройстве был решен.

В ее обязанности входило подготовить помещения пятого этажа к восьми часам утра нового трудового дня. Ее снабжали инвентарем и всеми необходимыми моющими средствами. По крайней мере, о жидком мыле и туалетной бумаге отныне можно было не волноваться. Уборщиков обязывали работать в парах (во избежание случаев хищения имущества одним лицом). О случаях хищения имущества двумя лицами не упоминалось. Ее напарницей должна была стать женщина по фамилии Дятел. Впоследствии все ее опасения оправдались. Дятел отвечала за шестой этаж, она – за пятый. На каждом этаже были туалеты. Это так, для справки.

Но заработная плата была действительно «выше среднего». Она позволяла никогда больше не писать ни про цветы, ни про камин, ни про модные тренды предстоящего сезона, только если она сама этого не захочет.

За два месяца мало что изменилось: наступила весна и псевдояпонский ресторан волшебным образом трансформировался в ресторан национальной кухни.

Как можно описать ее работу? Девушку устраивало в ней то, что:

- а) она отнимала немного времени;
- б) не требовала общения ни с кем, кроме Дятла, которую

она по возможности избегала;

в) установленная на этом месте заработная плата позволяла не думать о ней вплоть до 17 и 7 числа каждого месяца (з/п и аванс соответственно).

С первых же дней выяснилось, что приходить на работу к шести часам утра как бы следовало, но было совершенно не обязательно. Дело в том, что в погоне за дополнительными источниками прибыли Дятлиха – а иначе нельзя было назвать эту женщину за ее внушительные формы и специфический характер – убиралась и в универсаме неподалеку от своего дома. А поскольку привоз на склад осуществлялся около семи утра, после чего, возможно, ее услуги и не были жизненно необходимы, однако позволяли производить тщательный осмотр всего свежеприбывшего и пополнять запасы ее холодильника... В общем, по утрам Дятлиха убиралась в универсаме, затем, вероятно, расчленяла, подвергала разнообразным способам обработки и дегустировала приобретенную продукцию, а к полседьмого вечера перетаскивала свою тушу на пятый этаж офисного центра.

Почему на пятый, ведь его закрепили за девушкой? При строительстве шестиэтажного офисного центра заказчики решили сэкономить на лифте, в силу чего он отсутствовал, что Дятел считала злостным нарушением законодательства и непрерывно изливала свое недовольство жизнью в первую очередь на подрядчиков, далее на профсоюзную организацию, затем на правительство, и, наконец, на всех окружаю-

щих поголовно. С самого начала с девушкой ею была заключена устная договоренность о том, что пятый этаж закреплен за ней, то есть Дятлом, по причинам, связанным с ее многочисленными болезнями, неизлечимыми заболеваниями, вызванными детскими травмами, плохой экологией и ошибками врачей, а также ее ослабленным иммунитетом и неблагоприятной наследственностью.

Эта договоренность грозила вылиться в нежелательные последствия, чего девушка не могла не осознавать. Однажды в восемь тридцать четыре утра в мужском туалете на пятом этаже во второй кабинке был зафиксирован случай отсутствия туалетной бумаги. С девушкой связалась менеджер по чистоте – дама лет 26-30, придерживавшаяся офисного стиля в одежде и носившая очки в красной оправе. В ее обязанности входило отслеживать результаты деятельности уборщиков, для чего ей был выделен отдельный кабинет, где она, вероятно, производила расчеты производительности их труда и составляла баланс чистящих средств и резиновых перчаток.

Менеджер по чистоте выразила свое недовольство оснащенностью туалетной кабинки № 2, и хотя девушка сообщила ей то, что она и так знала, то есть то, что она фактически отвечала за шестой этаж, дама в стильных очках в красной оправе была непреклонна. На следующий день поступила жалоба об отсутствии туалетной бумаги во всех кабинках женского туалета как на пятом, так и на шестом этажах.

Больше девушку по этим вопросам не беспокоили. Но если кто-либо решил, что Дятлиха вынесла определенные уроки из данных происшествий, он или она слабо разбирается в психологии данного вида. Дятел, да будет вам известно, птица упорная и систематичная.

Последовал обмен колкими замечаниями, мелкими пакостями и испытующими взглядами с руками, замеревшими у кобуры в стиле вестерн. Девушка была уверена – будь она многодетной матерью с тремя детьми, неудачницей-алкоголичкой, плачущей у всех на плече, страдай она от физического насилия супруга-изверга, наркотической зависимости или от ожирения третьей степени – она была бы лучшей подругой Дятла. Люди семейства Дятлов хорошо относятся к тем, кого они жалеют. Они их любят, опекают, потому что эти юродивые – постоянное свидетельство их превосходства, а заодно и ходячие гаранты их доброты и великодушия. Поэтому девушку больше не удивлял слух, ходивший среди уборщиц, что однажды Дятлиха чуть не взяла из детдома девочку, хотя у самой уже была взрослая дочь, сбежавшая от нее в другой город. К счастью, все обошлось.

«Малышке следует благодарить Всевышнего. Жизнь у нее и так не сахар».

18:11

Она шла через парк в черной кофте с закатанными до локтей рукавами. Джинсы на ней висели и выцвели в местах складок, декоративные в прошлом потертости превратились

в открывавшие кожу рваные дыры. Ее левую кисть трижды оббивало украшение, состоявшее из крупной серебристой цепи и черных полосок кожи. В последнее время она с ним не расставалась. Она шла с пакетом, в котором лежали только что приобретенные джинсы. Она шла через парк, потому что так было быстрее добраться от секунд-хенда до места ее работы, начинавшейся через восемнадцать минут сорок шесть секунд. О ее ладонь мерно ударялась застежка лишнего всякой красоты украшения, и это доставляло ей необъяснимую радость, словно это было прикосновение близкого человека или подлинная, органического происхождения, поддержка.

Любопытным было то, что за двадцать с лишним лет она действительно научилась испытывать эмоции, которые обычно порождает в одном человеке другой человек, но без помощи людей. Она считала своими друзьями людей либо умерших, либо никогда ее не встречавших, и, вероятно, даже не догадывавшихся о ее существовании. Возможно, это было начальной стадией некоего психического расстройства, которое на нее непременно повесили бы, сходи она еще на пару приемов к психоаналитику.

Она проходила по набережной, огибавшей небольшое, образованное рекой озеро, когда увидела картину, при виде которой ее глаза заблестели, а губы против ее воли растянулись в непривычной для нее ласковой улыбке. Девушка прильнула к решетчатому ограждению. Не далее трех метров от нее

вдоль по реке проплывала семья лебедей – между двумя прекрасными, горделивыми родителями, погружавшими иногда голову под воду в поисках еды, плыло шесть маленьких, совсем недавно появившихся на свет лебедят. Отец, полный достоинства, показывал своим детишкам мир, ведя их за собой, а мать тщательно присматривала за ними, замыкая шествие. Лебедята, покрытые сероватым, с забавными пролысинами пухом, держались послушно, но немного боязливо и не нарушали гармонии построения по парам. Девушка переживала счастливое воодушевление, когда, повернув голову на донесшийся позади шум, увидела мальчика лет семи, занесшего руку со сжимавшими камень пальцами. Она увидела и его мать, стоявшую рядом. В следующее мгновение женщина, поймав этот взгляд, схватила сына за капюшон толстовки и потащила его от ограждения с такой силой и скоростью, будто дальнейшее промедление угрожало его жизни. Так, вероятно, поступила бы и мать-лебедь, если бы видела грозившую ее детям опасность. Но она не видела.

Семья лебедей мирно отдалялась от берега к центру озера. Женщина, принявшая девушку за восставшую из праха Медузу или за обдолбанную наркоманку с зараженным шприцем в кармане, отчитывала сына за то, что, бросая камни, он распугивает рыбу, тем самым мешая рыбакам ее ловить. Всю обратную дорогу девушка оправдывала опасения матери – она материлась с такой ненавистью и жестокостью, что это вполне могло сойти за проклятья.

Начинало темнеть. Дрожащей рукой она взяла из окошка киоска билет и встала поодаль на автобусной остановке, чтобы успокоиться. Лучше было заплатить, чем попасть под машину. Никотин временами такое же лекарство. После нескольких глубоких затяжек она задышала полной грудью и смогла окинуть окружающих более или менее осмысленным взглядом.

Во всем черном с ног до головы он сидел на тротуаре, прильнув спиной к дорожному знаку, и, так же как и она, ждал автобуса. Что-то позерское было во всем этом: в безразличии к чужому мнению, содранной коже рук матери или ее деньгам, пошедшим на оплату электроэнергии, затраченной стиральной машинкой. Через некоторое время он достал из лежавшей на земле сумки пачку сигарет и закурил. Девушка нещадно затушила свою. Всю следующую минуту она потратила на прогнозирование скорости следования маршрутного транспортного средства и употребление формулы $t=S/V$. Наконец очертания автобуса показались вдали.

Неожиданно кто-то остановился менее чем в полуметре от нее, нарушив герметичность ее личного пространства. Напоминая сигарете о своей власти над ней, он в последний раз небрежно затянулся, затушил ее о край урны и бросил окурочек в мусорку. Девушка с вызовом посмотрела на нарушителя своего спокойствия. Светлые, слипшиеся, давно не мытые волосы; мятая, с прилипшими к ней инородны-

ми телами одежда; щетина как минимум трехдневной давности; взгляд – смесь беспросветности циника и безучастности хиппи; и очки, которые прописывают при близорукости, съехавшие с переносицы.

Черт, вот это-то ее и зацепило. У нее всегда была слабость к бунтовщикам-интеллектуалам.

«Позер?»

«Просветленный?»

Он взглянул на нее лишь мельком и уже отошел, отвечая на телефонный звонок. Из трубки доносился взволнованный женский голос с нервно-вопросительными интонациями. Ответы были односложны:

– Да, я был у мозгоправа.

– ...?

– Уже еду.

– ...? ...?

– Гулял.

– ...

К остановке подъехал автобус. Вопреки обыкновению, девушка вошла в салон одной из первых. Где-то у себя за спиной она услышала:

– Мне пора.

По дороге она думала о том, что, если он выйдет вместе с ней, возможно, завтра ей придется давать объяснения своего прогула даме в очках в красной оправе. На остановке она вышла одна. И, не оборачиваясь, пошла к своему дому.

Она проснулась, взяла мобильный телефон и посмотрела на дисплей. Какая рань!

Девушка закрыла глаза и на пару минут погрузилась в затягивающую, как болото, одурманивающую утреннюю дрему, но после нескольких лишенных смысла картинок, промелькнувших у нее перед глазами, почти сразу проснулась. На этот раз определенно.

Она повернулась на спину и уставилась в потолок.

«Ненавижу выходные».

Выходные и праздничные дни наводят ее на мысль о собственной ущербности.

«Интересно, на какой день недели приходится большее число самоубийств?»

Она встала и пошла в ванную...

Дождаясь, пока в чайнике вскипит вода для второй кружки растворимого кофе, напоминавшего не его, а пыль, собранную с пола после его расфасовки по более дорогостоящим банкам, она зашла в комнату в поисках сигарет. Единственная жилая комната ее однокомнатной квартирки выглядела, если честно, весьма убого и смахивала то ли на ночлежку, то ли на пристанище нелегальных эмигрантов.

Разложенная диван-кровать со смятой простыней и свисающим на пол одеялом, которую она никогда не собирала, никогда, по сути, не застилала и еще реже меняла на ней постельное белье. Телевизор напротив. На столе у ок-

на ноутбук, наушники, стопка дисков с пепельницей наверху, карманный Новый Завет, бумажки с устаревшими записями, биография узника концлагеря с загнутой посередине страницей, чехол для телефона с ликом товарища Че, растянувшаяся резинка для волос и кружка с засохшей пенкой по краям и недопитым кофе внутри.

Сумка валяется на полу. На книжных полках следы тщательных, но безрезультатных поисков средств достижения духовного удовлетворения, попугай с отколотым хвостом, статуэтки индийского слона и деда мороза, покрытые слоем пыли, ароматическая свечка со следами использования в периоды отключения электроэнергии, ручки, засохшие маркеры и множество мелкого хлама в картонной коробке из-под прокладок, пустая свиньякопилка, подаренная родителями на один из дней рождения. В шкаф с одеждой, тумбочки в коридоре и полки зеркала в ванной комнате лучше было вообще не заглядывать.

Она взяла сигарету из брошенной на тумбочку пачки, захватила пепельницу и вернулась на кухню. Забравшись с ногами на стул, с дымящейся чашкой в одной руке и дымящейся сигаретой в другой девушка изучала телевизионную программу на сегодня. Обилие мелодраматических сериалов, фильмов с минимумом сюжета и максимумом экшна, ток-шоу ни о чем, программы, повествующие о чужих путешествиях в Тоскану и на Ривьеру... Она закрыла газету. В горле стоял комок – то ли от дыма, то ли от той бурды, что

производители выдавали за «100 % растворимый кофе высшего качества, изготовленный из отборных кофейных зерен, собранных на плантациях Индии». Девушка откашлялась. Это не помогло, и, за неимением лучшего, она вернулась к прерванному приему кофеина или чего бы то ни было.

Во времена ее детства все вокруг казалось другим: свежий кофе действительно пах обжаренными кофейными зернами, быстрорастворимая вермишель с приправой и маслом из пакетиков походила на блюдо из ресторана, сигаретный дым неизвестной марки, который она однажды уловила на улице, отдавал чем-то волшебным, чем-то качественным и имевшим непосредственное отношение к табачным листьям. Было ли дело в ее еще не затуманенных, не прокуренных и не сведенных с ума стабилизаторами и усилителями вкуса рецепторах, или все действительно было чуть-чуть по-другому до гениальных, передовых достижений нашей науки и гениальной инженерии? Она не знала. Она приняла это как неизбежность.

С отсутствием только одной вещи она никак не могла смириться. Она до сих пор была в упорном, настойчивом и систематическом поиске. В поиске сигарет с запахом табака. Они стали ее *idée fixe*. Символом утраченного времени. Она перебирала марки, как какой-нибудь золотоискатель, каждый раз охваченная надеждой при распечатывании новой пачки и каждый раз остававшаяся не до конца удовлетворенной. В целях профилактики она начинала свыкаться с мыс-

лью, что ее табачная лихорадка ни к чему не приведет.

Девушка поставила пустую чашку на стол и откинулась на спинку стула. Сегодняшний день не задался с самого начала. Непрерывная последовательность команд могла временно отвлечь от этой мысли, приблизить его завершение. А там, завтра, возможно, она придумает, что делать.

Она сосредоточенно вымыла посуду, даже тостер. Она подавила воспоминания о работе, вызванные использованием жидкого мыла в качестве моющего средства. Вернулась в комнату. Раздраженно скинула подушку и одеяло на пол. Разровняла простыню. Бесстрастно подняла и отряхнула подушку. За ней – одеяло. Застелила кровать. Взяла кружку со стола и снова пошла на кухню. Затем включила ноутбук, увеличила громкость колонок, папка с альтернативной музыкой, команда «Воспроизвести все». Напевая песню с красноречивым названием «Sulk», опустошила полку с одеждой. Бросила несколько вещей в ванную, закрыла пробкой сливное отверстие, открыла горячий кран, ливанула жидкого мыла с ароматом женьшени и долго, с увлечением, следила за образованием пены.

Затем она взялась за разбор бумаг, забрасывавшихся в один из ящиков шкафа еще со времен ее плодотворной на макулатуру образовательной деятельности. Отправила на утилизацию распечатку лекций по религиоведению в объеме ста шести страниц, обнаруженные конспекты по дисциплинам: Социальная философия, Философские вопросы

естественнонаучного и социально-гуманитарного познания, Теория познания и философия науки, тетрадку, в которой она каллиграфическим почерком оформляла схемы своих ответов на экзамены первые два семестра, черновой вариант курсовой работы на тему: «Историко-религиоведческий анализ религиозных систем христианства и даосизма». Вслед за этим последовали воспоминания о скрипах при утверждении предложенной ею, нетипичной темы; о разговоре с деканом на повышенных тонах; тягостном и ответственном написании; критике научного руководителя, доказательствах правомерности своих выводов, напутствии руководителя в духе Пилатовского «Я умываю руки»; успешной защите и осознание того факта, что не считая двух человек, работу никто так и не прочел. Тотальная и беспорядочная утилизация всего содержимого ящика.

Перерыв на кофе. Стрижка волос под каре в ванной. Оценка результатов как «Очень даже ничего. И вообще, не пошли бы они?». Долгая и нудная уборка. Перевод ноутбука в спящий режим. Обед: яичница с овощами, кофе, мороженое, сигарета. Прогулки по Освенциму. Мытье посуды. Стирка, сопровождающаяся размышлениями об относительности наших страданий и радостей. Несмотря на это – ускоренная и лишенная энтузиазма. Щелканье каналов. Пятая кружка кофе. Пересмотр фильма «Пиджак» на ноутбуке. Долгожданное окончание этого поганого дня.

Пробуждение на следующее утро.

Тишина.

Пустота.

Вакуум.

Девушка сменила позу зародыша на позу покойника и уставилась в потолок.

«Все по новой.

– А на что ты рассчитывала? На преждевременное наступление Конца Света? На торжественное вручение тебе билета в Новый Иерусалим?

– А хотелось бы его увидеть...

– Единственное, что ты увидишь, – это свет в конце тоннеля. После того, как осознаешь, что смыла свою жизнь в черную дыру унитаза. В небытие, мать твою.

In death car we're alive...

– Но кто-то же его увидит? Пусть не я, но кто-то... достойный.

Надежда – единственная движущая сила человека. Все, что у него осталось после пяти тысяч лет накопления знаний об окружающем мире. Все, как и пять тысяч лет назад. Так чем я отличаюсь от вавилонянина, возводящего зиккурат в надежде на благосклонность высших сил и загробную жизнь по системе «все включено»? Тем, что я оперирую выдуманными терминами «Абсолют», «Субстанция», «Трансцендентное»? Стала ли моя вера крепче после прочтения пяти доказательств Бога Аквинского? Ну, возможно. Просто

потому, что мне нравится в них верить. Они так оптимистичны и так похожи на рациональную аргументацию...

Как и наши знания. Мы их выводим, затем логически обосновываем, а логически обосновав, мы начинаем в них свято верить. Просто потому, что нам нравится в них верить. Вера в свои знания вселяет в нас оптимизм. Так чем же эта вера отличается от веры Декарта в существование его железы, от веры Аристотеля в то, что Земля – центр вселенной, от веры какого-то африканского шамана в действенность ритуала, согласно которому кровь убитого им человека, будучи выпитой, способна наделить его новыми силами? Какие-то знания, может, мы и накопили. В пользу этого говорит хотя бы то, что я сейчас лежу на кровати, зная, что в морозилке у меня на черный день припрятан пакет с пельменями, а не бегаю за кроликом с дубинкой.

Но стали ли мы лучше жить? Презерватив подарил нам возможность получения удовольствия без страха всю оставшуюся жизнь подтирать своим отпрыскам носы и грязные задницы. Но появились СПИД и ЗППП. Можно не думать об ограничениях в еде – есть липосакционные клиники, можно не думать об ограничениях в курении – есть фильтры, можно не думать об ограничениях в алкоголе – есть пересадка печени. Но вместе с ними появились передоз, степени ожирения и рак на любой вкус и цвет. Можно вообще не думать, заполнить свой аккаунт скопированными мыслями, добавить комментарии, типа «Жесть» или «Ржач» – есть социальные сети,

где ты найдешь много единомышленников. Можно обладать навыками чтения и хорошей памятью и стать философом, топ-менеджером, психологом, начальником кадров, просто начальником. Но эпоха мирового экономического кризиса, во время которой мы живем, плавно трансформируется в эпоху мирового климакса населения планеты Земля, дальнейшая модификация которой неизвестна.

Можно быть уродиной, а тебя сделают похожей на куклу Барби, об изгибах которой вся мужская (и не только) половина населения будет мечтать в душе, драя себя мочалкой. Можно иметь дом с бассейном и ежегодно менять машину, работая продавщицей в супермаркете и сетуя на увеличение коммунальных расходов. Можно иметь шесть детей, работая той же продавщицей в том же супермаркете, и называть себя матерью-героиней. Можно полететь в космос. Можно написать книгу. Можно объявить себя Иисусом Христом. Это не плохо и не хорошо – это то, что мы имеем. Практически все наши мечты осуществимы. Но стали ли мы от этого счастливее? Судя по тому, что через каждые сорок секунд кто-то делает шаг с моста, крыши или подоконника, вводит себе иглу в вену, наполняет стакан или записывается на прием к психоаналитику – нет.

«Бойся своих желаний – они имеют свойство сбываться».

С нашими знаниями, с нашими неограниченными возможностями стали ли мы жить осмысленнее? Перефразируя Лао Цзы, когда нет заботы о природе, как единственного на-

шего кредитора, – появляется наука экология, когда нет философов – появляются преподаватели философии, когда нет книг – появляются блоги, когда нет кулинарных способностей – появляется глютамат натрия, когда нет простейших дедуктивных навыков – появляются надписи, типа «Осторожно, кофе горячий», и так до бесконечности. Для того, чтобы жить цивилизованно и осмысленно, у нас есть Право. Определенные сдвиги здесь, конечно, прослеживаются. Если судить хотя бы по тому, что всего три сотни лет назад меня бы уже вели на костер за подобные рассуждения, а сейчас во всем мире плюрализм мнений и образа жизни, ограниченные только рамками законов, – каждый верит в то, во что хочет, и не верит в то, во что не хочет. Это называется либерализмом и демократией.

И какой вывод можно сделать из всего этого?

Ни хрена никакой.

Без понятия.

«Создать мир легче, чем понять его», – какой идиот сказал это? Понять мир – значит быть способным создать его. А все человечество сейчас сходится во мнении, что теперь, когда у нас есть частица Бога и теория Большого Взрыва, уж оно-то знает, как устроен этот мир. То существо, что нас породило, наверное, либо смеется, либо плачет, наблюдая за нашими потугами. Либо просто сверяется с графиком глобальных катаклизмов: «Так, метеорит – было, потоп – было, чума – было...» В общем, такими темпами эволюции чело-

вечества я еще не скоро увижу заливку фундамента хотя бы одних жемчужных ворот из двенадцати.

Если кто-либо когда-либо вообще их увидит.

Возможно, я ненормальная. Наверняка так и есть. Возможно, я озлобленная и наспигованная комплексами мизантропка. И философ из меня никудышный. Но единственное, что я могу, это попытаться объективно измерить нормальность своей ненормальности. А иначе чем я отличаюсь от того стада за окном? Тем, что я не согласна? Не зная, как, не зная, почему? Считать себя гением в подобной ситуации – вот явный признак сумасшествия. Надо будет подумать об этом за кофе».

«Да, подумай об этом, бесполезное тупоголовое теплокровное существо, – ответила она самой себе, сползая с кровати, зажимая одной рукой текшую из носа кровь. – Сделай это для разнообразия, пока за достижение рекордно низкого КПД тебя не отправили в утиль в рекордно сжатые сроки».

День обещал быть жизнеутверждающим.

20:43

Она шла домой с работы по темным, практически безлюдным улицам города. Препарировать себя, разбирать по частям, как по органам, – занятие любопытное, но тягостное. Этим она сейчас и занималась. Недавно был рецидив ее болезни. Одиночества. Она не испытывала ни огорчения, ни досады, ни сожаления – это были слишком сильные для нее эмоции. Только что-то, напоминавшее разочарование.

За неимением лучшего, она назвала это так. Она была разочарована в нем – за то, что он ничего не предпринял, она была разочарована в себе – за то, что еще может разочаровываться.

«Думала, с этим покончено».

Каждодневные тренировки в безучастности, смирении, самозаточении и самобичевании лишь купировали заболевание, но не избавили ее от него. С другой стороны, если раньше была боль, то теперь – только это холодное, отчужденное разочарование – возможно, симптом исцеления?

Всех, кто ее знает, удивляет тот факт, что она одна. Что говорит о том, что они ее не знают. Но именно так и выглядит одиночество. Она замечает чужой интерес, она знает об их внимании, она видит насквозь их нелепые попытки завязать разговор, спросить что-то совсем не то, что они действительно хотели бы спросить. И она всегда помнит о разочаровании. Как о неизбежности. Осложненной потерей уважения к себе, а затем долгой и болезненной реабилитацией. «Отцы и дети» – еще одна из часто перечитываемых ею книг.

«С этим нужно кончать».

Права она или нет, в любом случае что-то на нее подействовало, и во избежание его повторного тлетворного влияния было бы логично попытаться узнать, что это, а не перематывать пленку с последствиями снова и снова.

«С чего все началось?»

Я просто стояла на остановке. И когда я увидела его си-

дящим на тротуаре, мне было абсолютно наплевать как на извращения в его мировоззрении, так и на технику в сексе. Почему? Потому что это был акт позерства, показухи. Столь рьяное, воинственное безразличие – не что иное, как замаскированный крик о помощи, который в свою очередь является одной из лицемерных попыток вызвать сочувствие, одобрение».

Лицемерие в любой форме вызывало в ней все что угодно, только не желание.

«А сама ты не лицемерка?» – вопрос возник неожиданно и повлек за собой как минимум двухминутное замешательство.

«Возможно».

«Даже наверняка я такая же лицемерка, как и все остальные. Бывают моменты, и они, безусловно, преобладают, когда я готова распять на крестах и пересажать на кол всех поголовно. Да, я лицемерка, поносящая других и превозносящая себя, но я, по крайней мере, оставляю за собой право ошибаться».

Поэтому мамаша того малолетки зря так разволновалась. Она была просто не способна ударить его. Спросить, зачем он это делает, – да. Удержать – возможно. Но не ударить. Ей вспомнилась оса, бившаяся в судорогах, муравей с разрубленным телом, продолжавший отчаянно шевелить лапками; трехмесячный щенок, которого она убила со всей своей «непредумышленностью», тихо страдавший, тихо мучив-

шийся, тихо умиравший и тихо окоченевший тоже в одиночестве, один человек... К их боли и к их смерти она была причастна. И больше всего на свете она боялась стать ответственной за это снова.

По щекам у нее текли слезы. Она со злостью вытерла лицо. Через несколько минут она вошла в подъезд, поднялась по лестнице, открыла ключом дверь квартиры и, нервно стащив ботинки, пошла на кухню ставить воду для кофе. Затягиваясь сигаретой, она подумывала о том, чтобы сделать себе парочку ожогов, и ее остановила только мысль, что это было бы насмешкой. Над ними.

22:16

«Почему позер трансформировался в Будду менее, чем за пять минут? Потому что на нем были очки и он выбросил сигарету в урну? Ведь после этого все началось, не так ли?».

Она была уверена, что он швырнет окурок на тротуар или на проезжую часть, на чей-то ботинок или в чье-то лицо. Она заранее презирала его за это. Но он спутал все карты и этим вызвал ее интерес. Она сложила кусочки пазла, но картинка получилась неверной.

«Если он выбросил сигарету в мусорку – значит он не хотел причинить вред или унижить кого-либо, не хотел вымещать на ком-то свою боль, а значит не считал все человечество ответственным за его поганую, не сложившуюся жизнь. А это значит...

О Господи!»

Она резко поставила чашку на стол. Та звякнула, грозя расколоться, но она этого не заметила. Темный локон, дважды обвившийся вокруг ее пальца, замер.

«А это значит, что он такой же, как она!

Черный цвет, неряшливость в одежде, безразличие к одному и педантизм в другом, взгляд, вид, манеры, даже сигареты – да они просто копии внешне. Из чего она подсознательно сделала предположение, что они схожи внутренне».

«Каждый ищет себе подобного. Все носятся по свету в поисках своей «второй половинки», в надежде стать воссоединенными андрогинами Платона. Найдя или думая, что нашли человека, похожего на нас самих, со схожими взглядами, ценностями, идеалами, мы влюбляемся в него – ведь нельзя же не влюбиться в обладателя столь совершенного набора качеств. Степень теплоты чувств, вероятно, определяется степенью нашего подобия.

Ненависть

Неприязнь

Безразличие

Интерес

Симпатия

Дружба

Уважение

Влюбленность

Страсть

Любовь, наконец.

Элементарная алгебра, простой силлогизм:

Человек А любит самого себя.

Человек В = Человек А.

—

Человек А любит Человека В».

«А как же быть с тем интеллигентом-отличником, обратившимся ко всем на «Вы», по полному имени и захотевшим приручить сквернословящую девочку с дымящейся сигаретой в руке, садомазохистскими наклонностями и двумя парами джинсов на год?

Противоположности тоже сходятся?»

Это рушило всю ее теорию.

«Но он отметил ее, значит что-то в ней ему понравилось, а если понравилось, значит какие-то ее качества он ценит, а если он ценит эти качества, значит тоже хочет ими обладать или уже обладает, а если не обладает, но хочет обладать, значит в чем-то хочет походить на нее, только у него на это не хватает смелости. Или глупости. Кто его знает? И именно поэтому он так страстно хочет ее получить.

Хочет получить затем, чтобы она, олицетворяющая эти качества, ответив взаимностью, признала то, что в чем-то они похожи, то есть наделила его лестной для него характеристикой. А оценив те его качества, по которым они не сходятся, тем самым официально признала его превосходство. В данном случае это наверняка было бы преклонение перед показателем его IQ.

Дала бы ему повод для Самолюбования. Самодовольства. Самовосхваления. Для Самоуважения».

«Доминирование. Обожествление. Преклонение. Возведение себя на пьедестал. Самовозвеличивание. Одним словом, свидетельства в пользу Собственного Превосходства – вот что хочет найти человек, когда ищет НАСТОЯЩУЮ любовь.

Мы любим самих себя, и это единственная любовь, на которую мы способны. Иначе почему браки распадаются, а близкие люди рано или поздно перегрызают друг другу глотки? Мы любим самих себя глазами других людей. Точнее, мы любим, когда они нас любят. И мы будем любить их до тех пор, пока они будут восхищаться нами и обладать свойствами, которые делают их восхищение авторитетным.

Любовь – самое чистое, беззаветное, безусловное чувство, в корне лишённое примесей эгоизма и любых ароматических добавок. Квинтэссенция всего самого благородного в человеке.

Одно Глобальное, Беззастенчивое, Наглое, Лживое НАДУВАТЕЛЬСТВО».

Ей сразу стало так легко и свободно на душе...

«Ведь если на самом деле меня никто не любит, то нет и чувства вины за то, что я кому-то не дала, послала кого-то подальше, или просто высказала им все, что о них думаю. Ведь как это обычно происходит? Он смотрит на тебя украдкой, когда ты подходишь ближе – весь воодушевляется, он го-

тов восторгаться любимым твоим словом, и ты купаешься, плещешься в собственном самодовольстве, а, раз подсев на это, ты уже не хочешь этого терять и в итоге отвечаешь ему взаимностью, пока через некоторое время не понимаешь, что игра не стоила свеч. А затем все по новой. И так до бесконечности».

Она оставила недопитую чашку кофе на столе и бросилась к ноутбуку.

«Идея любви, основанная на самозабвении, самоотречении, доходящими вплоть до самопожертвования, так льстит тщеславию мало что представляющих собой особей, так плавно и деликатно приближает их к образу Иисуса Христа, что неудивительно, что все вокруг заинтересованы в том, чтобы сохранить ее живой.

Мумифицировать ее труп.

Сохранить хоть какое-то подобие с умершим оригиналом.

И никого не смущает тот факт, что согласно законам их любимой формальной логики, если бы на планете было столько мучеников, они давно бы уже устроили Царство Небесное на земле».

«Церемонию открытия с перерезанием ленточки я, видимо, пропустила».

«Фраза «Я люблю тебя» – самая потрепанная, набившая оскомину, самая откровенная ложь, которую только можно выдумать. Но это и самая желанная ложь, которую алчут услышать желающие обманывать и быть обманутыми. Со-

гласитесь, гораздо приятнее, приличнее, и, главное, удобнее сказать: «Я так люблю тебя», чем: «Я так люблю это состояние эйфории, счастья, это ощущение собственного СОВЕРШЕНСТВА, что готов одарить крошками своего расположения и даже благодарности любого, кто создаст мне эти условия». Забавно, что каждая из сторон при обмене тремя сакраментальными словами полагает, что другая действительно оценила ее достоинства, действительно искренне любит, восхищается ею, хотя в объективной действительности каждая сторона делает это для того, чтобы продолжали ценить, любить и восхищаться ею.

Сомерсет Моэм однажды сказал, что в любви одна сторона любит, а другая дает себя любить. На деле каждая из сторон позволяет себя превозносить и боготворить. Это обоюдная, негласная договоренность, банальный обмен услугами – пока ты тешишь мое самолюбие, я буду тешить твое. Кому не понравится такая сделка?

А это значит, что каждая из сторон контракта попытается пролонгировать его на максимальный срок. Вот чем объясняются упорные попытки сохранить отношения или брак, когда они начинают рушиться, вот почему люди закрывают глаза на очевидные признаки холодности, пренебрежения, обмана, даже ненависти со стороны партнера – они хотят и дальше получать свою дозу возвеличивания.

Но конец неизбежен. Едва только ты выкажешь недовольство, сделаешь какое-то замечание, не согласишься с воз-

любленным в каком-то вопросе – то есть перестанешь с благоговением целовать его ноги, осыпать его путь лепестками роз – и он тут же выльет на тебя все накопленные им помои, весь мусор, всю грязь, на которую до этого прелестно закрывал глаза. Потому что ты закрывала глаза на его переполненные и смердящие мусорные бачки.

Но проявляется все это, конечно, по-другому. Никто никогда не признается в том, что он сам виноват в сложившейся ситуации, потому что гнался за утопией, за мечтой вечного, ничем не заслуженного, удовольствия, блаженства. Редко кто доходит до такого самоуничужения. Поэтому зачастую можно услышать следующее: «Ты меня больше не замечаешь», «Ты меня больше не любишь», «Ты так переменялся(ась)», «Ты стал(а) совсем чужой», «Мы никуда не ходим вместе», «Раньше ты был(а) другим(ой)», «Раньше тебе это нравилось» и прочее. Фраза: «Я разлюбил(а) тебя, потому что наконец увидел(а) твое истинное лицо», – достойна всех мыслимых и немыслимых премий мира, поскольку такое объяснение не только компрометирует саму идею БЕЗУСЛОВНОЙ любви, оно ее просто исключает.

Неизменной остается только мысль, что виноват в ухудшении отношений кто угодно, кроме говорящего.

Чем все это обычно заканчивается?

Известно.

Разрыв, развод, разочарование, депрессия, жалобы на все-ленскую несправедливость, хронические приступы ошущ-

ния собственной никчемности, слезы на подушке или секс на одну ночь и, наконец... новая любовь.

И здесь вопрос о взаимоотношениях упирается в вопрос об одиночестве. Одиночество вызывает у людей страх. Не являются ли отношения – от дружеских до романтических – попыткой избежать этого одиночества, точнее, стремлением найти единомышленников? Ведь мы любим не людей, только единомышленников. Поэтому мы ищем схожие нам качества, образы мышления в других, поэтому так быстро влюбляемся в кого-то при малейшем намеке на их соответствие, и именно поэтому изо всех сил стараемся сохранить свою армию фанатов, а после их потери не желаем признавать свою вину в этом. И только когда тот факт, что этот человек больше не уважает, не ценит нас, не признает наши убеждения, становится очевидным, мы бросаем его, разрываем с ним отношения – то есть именно тогда, когда он из единомышленника превращается в чужого, врага.

Следовательно, любовь, возможностью испытывать которую мы хвалимся так же, как наличием большого пальца, – это уже совсем не то священное и полное самоотречения чувство, а всего лишь обычное, вполне естественное, эгоистическое и, судя по всему, инстинктивное стремление получать подтверждения собственного величия за счет других людей. Соответственно, это только один из способов наряду с сексом, работой или другими, например спортивными, достижениями, получать свидетельства собственного превос-

ходства.

Зачем нам нужно культивировать эту мысль? Возможно, для поддержания в себе чувства самоуважения, не всегда оправданного, но, безусловно, так же необходимого для выживания, как косточка для собаки. Таким образом можно прийти к тому, что если физическое существование человека зависит от удовлетворения его физиологических потребностей, то духовное – от поддержания идеи о том, что он может быть горд за себя, что он ДОЛЖЕН и имеет право жить. Последнее люди пытаются получить посредством поиска своей любви (чтобы кто-то говорил им, какой он молодец), детей (чьи жизни зависели бы от этого человека, а забота о них, совершенно «бескорыстная», опять же свидетельствовала бы о его великодушии), работы (стремление получить высокую оценку своего труда или умственных способностей окружающими), творчества и т.д. и т.п.

Совсем другой вопрос, насколько действенными оказываются эти средства, получаемые «извне» для поддержания внутреннего чувства самоуважения, не являются ли они только обезболивающими, маскирующими боль на время, до следующего приступа и, соответственно, до следующей дозы?»

23:44

Она еще раз перечитала все напечатанное. Завтра она исправит ошибки во всех предусмотрительно подчеркнутых Word'ом красной волнистой линией словах, вставит пропу-

ценные буквы и знаки препинания и выложит все это на сайт. Сейчас ей слишком хотелось спать и видеть сладкие сны.

Наутро все это дополнилось следующим:

«Правила, вытекающие из безусловной и перманентной любви человека к самому себе:

1. Любой человек любит самого себя.

2. Любой человек считает себя лучше, совершеннее остальных.

а) если он говорит, что ненавидит себя, – значит хочет вызвать сочувствие и получить вашу похвалу, поддержку. То есть хочет услышать то, что он не виноват в происходящем, что с ним поступают несправедливо, короче, хочет услышать от вас, какой он молодец и хороший парень, а все вокруг ублюдки (см пункт 1 и 2).

б) если он говорит, что восхищен вами, – значит он восхищен только этим конкретным вашим качеством (при условии, что он не врет), в отношении остальных же ваших качеств он продолжает считать себя значительно превосходящим вас.

с) если он говорит, что уважает вас, – см. пункт 2-б.

д) если он говорит, что любит вас, – значит он просто хочет, чтобы именно Вы говорили ему, какой он молодец, хороший парень...

е) если он говорит, что любит, уважает и восхищается вами, – см. пункт 2-б, 2-с и 2-д.

f) если он говорит, что не уважает вас, – значит ни одно из ваших качеств его больше не прельщает и, скорее всего, большинство ваших качеств вызывают в нем презрение и отвращение.

г) если он говорит, что больше не любит вас, – значит либо вы не говорите ему, какой он молодец, либо ваши рассказы о том, какой он молодец, больше не авторитетны, то есть он вас не уважает (см. пункт 2-f).

3. Любой человек заботится о своих интересах.

а) если он говорит, что готов пожертвовать собой или чем-то – значит он рассчитывает получить в результате этого нечто большее.

б) если он не готов жертвовать чем-то – значит то, что он рассчитывает получить взамен, оценивается им ниже чем то, что он уже имеет.

с) если он говорит, что заботится исключительно о вас или о чем-то, значит вы или это что-то входит в сферу его интересов, потому что см. пункт 3 и 3-а.

д) если он говорит, что его больше не заботите вы или что-то другое – значит вы или это что-то больше не входит в круг его интересов. См. пункт 2-g.

е) если вы не удовлетворены следствиями пунктов 3-d и 2-g, у вас есть возможность это исправить:

1. Сделать свое мнение авторитетным, то есть вызвать у него уважение.

Подсказка: только то мнение является авторитетным, ко-

торое совпадает с его собственным.

2. Говорить ему, какой он молодец, уникал, гениальная, неоцененная всеми личность... То есть предоставить доказательства вашего восхищения, почитания, преклонения.

3. Не нарушать последовательность е-1 и е-2.

4. Подумать, действительно ли вам нужна вся эта возня». «Это, конечно, не «Логико-философский трактат» Витгенштейна и не «Этика» Спинозы...»

Но ей нравилось.

Она была счастлива.

Настолько, что за все это время ни разу не вспомнила о сигарете. Настолько, что потратила полтора часа на мытье, чистку, шинковку и тушение овощей, которые все равно получились пресно-резиновыми на вкус, несмотря на обилие приправ, соли и черного перца. Настолько, что достала начатую бутылку вермута, которую доставала только в самые светлые и самые мрачные периоды своей жизни.

«Употребление спиртных напитков в одиночестве – верный признак алкоголизма».

«Женский алкоголизм неизлечим».

Выпив пару стаканов, девушка начала разрабатывать план вечерней операции.

Она пришла на работу как обычно, к половине седьмого, взяла у сторожа-старичка связку ключей от своего этажа, расписалась за получение и стала дожидаться Дятла. Конечно, этот объемистый журнал учета прихода на работу и ухода

с работы, взятия и возвращения ключей от кабинетов всего лишь фикция. Сторож сидел в своей каморке на первом этаже круглосуточно; по идее, круг его обязанностей включал в себя консультацию клиентов по телефону (даже не поднимали трубку) и обеспечение надзора за имуществом (даже не поднимались со стула). Таким образом, пенсионер, любитель кроссвордов, и толстяк, бывший вояка, сменявшие друг друга, отвечали лишь за внесение фамилий в журнал и выдачу ключей под роспись. Этим, собственно, и подтверждался факт уборки.

А там, отделенные несколькими пролетами от бдительного надзирательного органа, уборщицы могли делать в своей вотчине все что угодно. Например, переливать жидкое мыло в бутылки из-под минералки. Или плотно укладывать рулоны туалетной бумаги на дно сумочки. Экспроприировать баллоны с белизной. Пересыпать кофе какой-то недалёковидной секретарши в файл. Опустошать отделение для бумаги ксерокопировального аппарата. Брать саженец какого-нибудь экзотического растения. Находчивость и фантазия уборщиц в этой сфере, как известно, не знает границ. До сего дня девушка ограничивалась первыми двумя пунктами.

Согласно должностной инструкции, уборщицы, работающие в паре, должны оканчивать работу и, соответственно, сдавать на вахту ключи в одно время. Но сегодня девушка замешкалась. Она долго и сосредоточенно драила пол коридора. Затем слишком тщательно протирала пыль на подокон-

никах. Итого, в 20:18 по местному времени она едва закончила с уборкой кабинетов и только собиралась приняться за туалетные комнаты, что, безусловно, отнимало наиболее существенную часть рабочего времени, когда к ней соизволила подняться Дятел и весьма резким тоном осведомилась, долго ли она еще собирается здесь торчать. Услышав, что та уже заканчивает, Дятел уселась на один из диванов и с физиономией человека, делающего большое одолжение, развернула желтую прессу.

Но, судя по всему, сегодня был неблагоприятный по меньшей мере для двух знаков зодиака день, где-то неподалеку бушевала электромагнитная буря, или луна расположилась в своей фазе вопреки рекомендациям специалистов по фэн-шую. В любом случае, когда девушка направилась в техническое помещение на своем этаже, она обнаружила в нем не только пустые емкости с жидким мылом, но и подходивший к концу запас туалетной бумаги, фактически состоявший на момент осмотра из одного рулона. На полпути к лестнице девушку остановил окрик Дятла из другого конца коридора, содержащий информацию о том, что она не намерена ждать кое-кого лишь потому, что этот кое-кто прохлаждалась два часа, а сейчас решила устроить себе перекур.

Девушка не спеша пересекла коридор и, сократив расстояние до двух метров, невозмутимо пояснила, что она направляется на склад первого этажа за баллонами жидкого мыла и упаковками туалетной бумаги, которые она посредством,

вероятно, нескольких ходок поднимет наверх, расположит в техническом помещении на своем этаже, после чего безотлагательно приступит к прерванному ею занятию, дабы никого не задерживать.

После этого Дятел взорвалась.

Излишне описывать этот всплеск деструктивных эмоций. Ключевой в ее продолжительной речи была мысль о том, что кое-кому высшее образование не пошло на пользу. Поскольку в отдельных случаях оно бессильно. Закончилось все тем, что Дятел с неожиданной для ее комплекции и состояния здоровья скоростью стремительно пронеслась по коридору, «сбежала», если можно так это назвать, вниз по лестнице и, бросив ключи старичкувахтеру прямо на середину гигантского кроссворда, в следующее же мгновение скрылась за дверь. Девушка подошла к пенсионеру, в замешательстве вешавшему ключ на гвоздик и непонимающе взиравшему на нее из-под толстых линз очков. Она обрисовала ему сложившуюся ситуацию и попросила помочь ей с транспортировкой литровых баллонов с мылом на шестой этаж.

Остальное было делом техники. Когда польщенный и не привыкший сдаваться немцам без боя старичок загрузился первой партией и начал восхождение, она сделала вид, что немедленно последует за ним, только выудит заодно и упаковки с туалетной бумагой. После того как бодрые шаги сменились шарканьем, она могла безошибочно определить его местонахождение. Ключи висели в ряд в импровизирован-

ном ящичке за отодвигающимся стеклом. Однажды одно такое на нее уже падало – после этого на скуле, в непосредственной близости от сонной артерии, у нее на всю жизнь остался шрам. Он как будто говорил ей каждое утро из зеркала: «А ведь всего этого могло бы и не быть». На что временами она отвечала, что, возможно, это было бы не так уж и плохо. Аккуратно отодвинув ледяными пальцами стекло, она заменила связку ключей, висевших на гвоздике под номером 4, на ключи Дятла, а на их место повесила свои. Затем снова задвинула стекло, бросила ключи в карман и, взяв по баллону в каждую руку, стала подниматься на шестой этаж.

20:47

Вероятность того, что вчера он вышел из дверей кабинета № 412, была невелика. Но то, что он ехал от мозгоправа, ждал автобуса в двух остановках отсюда, а до этого, по его словам, гулял, было слишком большим совпадением. А желание проверить это было слишком большим соблазном. И вот она снова здесь, в приемной психолога-конформиста. Рискаю оказаться если не в кутузке, то в отделении до дальнейшего выяснения обстоятельств.

Она бесшумно прикрыла за собой дверь и первым делом направилась к столу секретарши. Записи на прием должны были храниться где-то здесь. На столе не оказалось ни каких-либо бумаг, ни ручки, ни безобидного календарика, вообще ничего, кроме тусклого монитора и телефонного аппарата. В выдвижных ящиках не содержалось ничего интересного, к

запертым ящикам имевшиеся в ее распоряжении ключи не подходили. Можно было даже не надеяться влезть в компьютер – пароль, определенно, не qwerty.

«А по голосу не скажешь, что у нее паранойя. Запирать казенные вещи. Вот кому надо обратиться к психиатру».

Рабочее место в кабинете психолога было куда более настроено на общение. Поддерживало репутацию даже в отсутствие хозяина. Настольный ежедневник снабдил ее всей необходимой информацией о графиках сеансов и именах пациентов. Она перелистнула несколько страниц – вот и она тоже здесь есть. Среди записей на вчерашний день только два мужских имени, возле одного из них приписка: «издатель, обговорить условия аванса». Круг поиска сузился до размеров точки. Папки с именами пациентов были обнаружены и любезно предоставлены в свободное пользование одним из ящиков книжного шкафа. Читиво наверняка увлекательное, но отобрав только две из них довольно скудного содержания, судя по толщине, она направилась к копировальному аппарату.

Восемь сложенных листков в кармане, и проводи книга рекордов Гиннеса конкурс на самый чистый и быстро отдранный унитаз, девушкой в тот день вне всяких сомнений был бы установлен мировой рекорд.

Конечно, когда она сдавала ключи на вахту, она понимала, что завтрашний день обещает принести много неприятностей, но это перестало ее волновать, едва она села в авто-

бус и достала сделанные копии.

«С кого начать?»

Повествование, озаглавленное ее именем, умещалось на двух с половиной страницах А4. Печально, если так подумать.

«Вот так умрешь – в худшем случае напишут даты твоего рождения и смерти, в лучшем – некролог, заключительную статью, послесловие или примечание на две страницы с перечислением твоих мнимых достижений и мнимых злодеяний. Человек как продукт с истекшим сроком годности его органов или человек как совокупность сомнительных, собранных кем-то сведений. Даже не знаю, что лучше выбрать».

В течение последующих пятнадцати минут, помимо хорошо известных ей данных о ее полном имени, возрасте, семейном положении, после подробного описания ее поведения в кабинете и схематичной передачи основных тезисов ее монолога (кстати, вырванных из контекста), последовал «Анализ личности пациентки», благодаря которому она узнала о себе много нового. Например, то, что «наряду с когнитивным осознанием пациенткой собственного дискомфорта она испытывает значительные трудности по налаживанию контактов».

«Может, это у него были трудности по налаживанию контакта со мной и развившееся в связи с этим бессознательное чувство собственного дискомфорта?»

«В поведении пациентки были отмечены признаки чрез-

мерной подозрительности и недоверия к окружающим».

«Хм...»

«Что послужило причиной формирования интерпретации пациенткой действий окружающих как направленных против ее интересов в качестве потенциально возможных источников причинения вреда или насилия».

«Да, наши интересы в этом редко совпадают».

«Таким образом, в поведении пациентки отмечается тенденция к обособлению от социальных контактов, а также к подавлению выражения эмоций в межличностных отношениях».

«Обязательно все время повторять, что я – «пациентка»? То есть заведомо больная? Учитывая, что я никогда не должна была увидеть это заключение, повторение этого термина в каждом предложении необходимо кому – мне или ему самому?»

Она пробежала глазами пару абзацев. Далее делалось предположение, что подобный «паттерн личности» сформировался в результате детской или подростковой травмы либо в результате того, что ПАЦИЕНТКА была подвергнута излишне требовательному и строгому воспитанию в семье.

«В целом в действиях пациентки отмечены явные признаки аффектации...»

«Надо будет посмотреть в словаре».

«и эндогенной депрессии».

«Просто чудеса дедукции».

«Пациенткой выказывается негативное отношение к справедливым требованиям и пассивное сопротивление как способ борьбы с ними. Свидетельством этого является тот факт, что на предложение рассказать о себе пациентка ответила уклонением».

«Кто, интересно, определяет справедливость этих требований? Если бы он попросил меня расстегнуть ему ширинку и встать перед ним на колени, а я бы отказалась – это тоже было бы расценено как уклонение?»

«Высказывания пациентки носят асоциальный характер. И, дополненные суицидальными наклонностями, позволяют говорить о наличии предрасположенности к отдельным расстройствам психики».

«Критика, надо думать, уже считается одним из симптомов психического расстройства».

Классно».

«Наряду с доминированием узко-индивидуальной деятельности, ограниченного круга увлечений, можно предположить у пациентки наличие сниженного интереса к сексуальным отношениям, отсутствие близких друзей, равнодушные к похвале или критике со стороны окружающих, эмоциональную холодность».

«Короче говоря, я фригидная социопатка».

Заключение специалиста было жизнеутверждающим. «Предварительный диагноз» состоял из следующих пунктов:

1. Пассивно-агрессивное расстройство личности;

2. Вероятна начальная стадия параноидного расстройства личности;

3. Вероятна начальная стадия шизоидного расстройства личности».

«Начальная стадия – это хорошо. Есть к чему стремиться».

«В результате проведенного анализа пациентке показан следующий курс лечения:

– Индивидуальная психотерапия.

– Лекарственная терапия. Антидепрессанты седативного действия показаны, но не прописаны, так как есть вероятность того, что пациентка сочтет это за способ манипулирования.

Задачи на следующий сеанс:

– способствование раскрепощению пациентки;

– налаживание эмоционального и вербального контакта с пациенткой;

– работа над актуализацией мысли о пользе антидепрессантов».

«Верь после этого, что тобой не манипулируют».

Девушка запихнула помятые листы в сумку и уставилась в окно, ничего за ним не видя.

Вовремя она слезла с этого. После нескольких таких «сеансов» из фригидной социопатки она рисковала превратиться в обдолбанную фригидную социопатку. А еще через некоторое время или в обдолбанную фригидную пациентку псих-

больницы, или в обдолбанную и уже действительно безнадежно фригидную резидентку морга. Дать бы почитать то, что о них пишут «специалисты», всем любителям полежать на кушетке, потрепать языком – больше поклонников психотерапии не нашлось бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.